

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Н. Тагмунт

*Белорусский государственный университет, Минск;
ntamunt@mail.ru;
науч. рук. – Г. В. Синило, канд. филол. наук, доц.*

Исследуется функция библейской архетекстуальности в поэзии Николая Гумилева на примере евангельских образов и мотивов в его творчестве. Показано, что чаще всего поэт вводит библейский архетекст на уровне тонких аллюзий, прямо же обращается лишь к важнейшим образам-антиподам – Иисусу Христу и Люциферу, а также к притче о блудном сыне. Доказывается, что именно библейская (евангельская) архетекстуальность помогает поэту глубже осмыслить свое противоречивое время и собственное предназначение.

Ключевые слова: Николай Гумилев; русская поэзия Серебряного века; Библия; Евангелия; «осевой» архетекст; библейская архетекстуальность; аллюзии.

Для европейской культуры, в том числе и литературы, начиная с эпохи Поздней Античности, крайне важна роль Библии как «осевого» архетекста (термин Г. В. Синило) – древнего текста-образца, смыслополагающего и текстопорождающего текста (см. подробнее [5]). В диалоге с Библией, на ее «полях» создаются новые смыслы и новые текста. В этом плане не является исключением и творчество выдающегося русского поэта Серебряного века Николая Гумилева.

Чаще всего Н. Гумилев говорит о своей жизни и эпохе через призму библейской истории. Свою возлюбленную – Анну Ахматову – он изображает то чистой и искренней Евой, то опасной искусительницей Лилит, свое поколение, потонувшее в грехах, поэт изображает потомками Адама, пришедшими ему в пророческом сне. Но самым дорогим для сердца Гумилева является образ Иисуса Христа, в котором поэт видит идеального человека. Не случайно значительную часть поэтического наследия Гумилева составляют стихотворения и поэмы, наполненные евангельскими образами, мотивами, аллюзиями, проникнутые любовью к главному герою лица Нового Завета. Достаточно показательным является поэтический этюд Н. Гумилева «Христос». В этом произведении поэт выступает также и в роли живописца. Он «рисует» картину, выполненную в нежных пастельных тонах: «Он идет путем жемчужным / По садам береговым, / Люди заняты ненужным, / Люди заняты земным» [3, с. 90]. Поэт устами Иисуса призывает читателя отринуть мирские заботы, ему они видятся «ненужными». Далее Иисус встречает неких рыбака и пастыря и зовет их пойти вместе с ним: «Здравствуй, пастырь! Рыбарь, / здравствуй! / Вас зову я навсегда, / Чтоб блюсти иную паству / И иные невода. / Лучше ль

рыбы или овцы / Человеческой души? / Вы, небесные торговцы, / Не считайте барыши!» [3, с. 90]. Здесь мы видим яркую аллюзию на достаточно известный евангельский эпизод, в котором речь идет о встрече Иисуса с рыбаками Андреем и Симоном (Петром), которые станут Его первыми апостолами: «...идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним» (Матф 4:18–20).

Иисус Христос становится для поэта не просто неким религиозным или мифологическим героем, он превращается в нравственный идеал поэта, в его путеводную звезду. Гумилев как бы ассоциирует все события своей жизни с описанным в Евангелиях земным путем Христа, пытается взглянуть на все его глазами и, в то же время, глубоко анализирует каждую строку, написанную евангелистами о Христе. Столь же искреннюю привязанность и преданность поэт выражает и самому Богу. Ярko об этом свидетельствует заключительная строфа поэтической новеллы «Фра Бe-ато Анджелико»: «Есть Бог, есть мир, они живут вовек, / А жизнь людей – мгновенна и убога. / Но все в себе вмещает человек, / Который любит мир и верит в бога» [3, с. 91]. Снова поэт говорит о необходимости веры в душе человека, иначе его жизнь может стать пустой и убогой. В Боге Гумилев также видит главную опору и надежду.

В стихотворении «Пещера сна» поэт говорит о всех трудностях борьбы человека с искушениями, со страхами, которым подвержена человеческая душа в сумраке: «Там, где похоронен старый маг, / Где зияет в мраморе пещера, / Мы услышим робкий, тайный шаг, / Мы с тобой увидим Люцифера. / Подожди, погаснет скучный день, / В мире будет тихо, как во храме, / Люцифер прокрадется, как тень, / С тихими вечерними тенями» [3, с. 40]. В Библии чаще всего ночь выступает как время раздумий и тревог, внутренних борений и одинокой молитвы, но чаще всего (особенно у пророков и апокалиптиков) – как символ мрачной человеческой истории, которая должна смениться рассветом Мессеианской эры. Эта символика во многом созвучна той, которую придает ей Гумилев. Исследователь Л. Райкен пишет о Библии: «...ночь, когда человек освобождается от отвлекающих внимание дел, может становиться временем беспокойных мыслей и эмоциональных переживаний. Бессонница по ночам – тоже библейский архетип. Псалмопевец несколько раз изображает ночь как время безудержного плача (Пс 6:7; 29:6; 41:4; 76:3)» [4, с. 283]. Нельзя не упомянуть и об одном из самых ярких образов ночи в Библии: Иуда, взяв хлеб из руки Иисуса, «тотчас вышел, а была ночь» (Иоан 13:30). В этих строках мы видим симбиоз буквального и духовного значения ночи как времени, когда заблудшая душа готовится совершить страшный грех предательства. Упоминает Гумилев также и Люцифера, а вернее – его тень. Об образе Люцифера С. С. Аверинцев пишет: «Люцифер, Луцифер (лат.

Lucifer, “утренняя звезда”, т. е. планета Венера; в том же значении – греч. о eosporos; слав. Денница), в христианской традиции одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую “славу” божества» [1, с. 198]. Таким образом, если Бог – это свет, то Люцифер является лишь тенью этого света. Неспроста Гумилев описывает его крадущейся «тенью с тихими вечерними тенями». Однако благодаря следующим строкам стихотворения мы понимаем, что все описанное было лишь иллюзией, спровоцированной страхами: «Но когда воздушный лунный знак / Побледнеет, шествуя к паденью, / Снова станет трупом старый маг, / Люцифер – блуждающую тенью» [3, с. 40]. Именно в этой части стихотворения кроется идея вечной надежды. Поэт говорит нам, что несмотря ни на что солнце будет просыпаться, а Люцифер становится просто тенью.

В некоторых своих произведениях Н. Гумилев дает свою собственную трактовку евангельского текста. Так, в стихотворении «Отрывок» новую интерпретацию получает стих из Нагорной проповеди. В Евангелии от Матфея читаем: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф 5:3). Гумилев же преподносит эти слова следующим образом: «Христос сказал: “Убогие блаженны, / Завиден рок слепцов, калек и нищих, / Я их возьму в надзвездные селенья, / Я сделаю их рыцарями неба / И назову славнейшими из славных...” / Пусть! Я приму! / Но как же те, другие, / Чьей мыслью мы теперь живем и дышим, / Чьи имена звучат нам, как призывы? / Искупят чем они свое величье, / Как им заплатит воля равновесья?» [3, с. 35]. Очень сложен и неоднозначен вопрос: кого понимают под определением «нищие духом»? Есть версия, что это не совсем точная передача по-гречески слов Иисуса: нищие по воле своего духа, т. е. добровольно отказавшиеся от имущества. Русский поэт, когда он говорит о том, что ему предпочтительнее судьба слепцов и калек, нежели великих людей, хочет духовное богатство он ставит куда выше, чем материальное. С другой стороны, в Евангелиях, как и во всей Библии, под духовной нищетой понимается моральная деградация человека. Нищие духом – это именно те, у кого помимо физических благ ничего больше и нет. В одном месте Господь говорит: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан 6:63). Однако тем, кто осознал свою духовную нищету, пройдя через страдания, кто смиренно принял волю Бога, откроется блаженство.

О человеческой гордыне Гумилев пишет в первой части поэмы «Блудный сын». В ней также поэт за основу берет евангельскую притчу, снова пересказывая ее по-своему: «Нет дома, подобного этому дому! / В нем книги и ладан, цветы и молитвы! / Но видишь, отец, я томлюсь поиному: / Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы. / На то ли, отец,

я родился и вырос, / Красивый, могучий и полный здоровья, / Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос / И гул изумленной толпы – славословья. / Я больше не мальчик, не верю обманам, / Надменность и кротость – два взмаха кадила» [3, с. 41]. В Библии воспроизводимый Гумилевым, хоть и в измененном виде фрагмент звучит так: «Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно» (Лук 15:11–13). Пересмысливая евангельскую притчу, поэт наполняет ее содержанием, имеющим непосредственную связь с происходящим в его душе: непрекращающаяся борьба религиозного чувства, взывающего к смирению духа, и тяга к вечной перемене мест, немислимой без «пенья бунтующей крови», без гордыни и «надменности», а также отчаянная попытка примирить две эти враждующие силы. Начало поэмы «Блудный сын» свидетельствует о безоговорочном проигрыше смирения. Поэт критикует свое поколение, обуреваемое лишь жадностью и желанием обладать, но никогда не знающее слово «достаточно». И точно так же, как смирение проигрывает алчности в этой поэме, погибает постепенно и вера самого Гумилева в чистоту и искреннюю преданность людей Богу.

Таким образом, библейская архетекстуальность, проявляющаяся на уровне открытого обращения к евангельским образам, а также на уровне тонких аллюзий и реминисценций, помогает Н. Гумилеву глубже осмыслить свое противоречивое время и собственную судьбу.

Библиографические ссылки

1. *Аверинцев С. С.* Люцифер // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1991–1992. – Т.2. – С. 198–203.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
3. *Гумилев Н. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1. 448 с.
4. *Райкен Л.* Ночь // Словарь библейских символов в 3 т. М.: Советская Энциклопедия, 1998–1999. С. 283–284.
5. *Синило Г. В.* Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С.19–29.